

Теоретико-исторические правовые науки

Научная статья
УДК 340.1
doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-10-17

Вадим Авдеевич Авдеев

доктор юридических наук, профессор
<https://orcid.org/0000-0002-8614-6996>, vadim.avdeevich@mail.ru

*Югорский государственный университет
Российская Федерация, 828012, Ханты-Мансийск, ул. Чехова, д. 16*

Ольга Анатольевна Авдеева

доктор юридических наук, доцент
<https://orcid.org/0000-0002-5771-4237>, Avdeeva_O_A@mail.ru

*Восточно-Сибирский институт МВД России
Российская Федерация, 664028, Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110*

Преступление как уголовно-правовая категория: соотношение доктринально-методологического и законотворческого подходов (ретроспективный анализ)

Аннотация: Цель исследования. В современный период ключевым направлением является обеспечение государственной, общественной и личной безопасности. Новизна темы исследования состоит в постановке проблемы, связанной с раскрытием особенностей регламентации понятия преступления и образующих его признаков на разных этапах государственно-правового строительства с учётом политико-правовых, социально-экономических и социокультурных факторов. Пристальное внимание сосредоточено на взаимосвязи правовых ценностей, научной доктрины и правоприменительной деятельности при разработке дефиниции преступления. *Методологию исследования* образует совокупность общенаучных и частно-научных методов, обусловивших комплексный подход к изучению уголовно-правовой политики в сфере законодательного оформления преступления как правовой категории и образующих его признаков. *Результатом* проведённого исследования является раскрытие юридической природы преступления, его сущностных свойств и признаков как социально-правового негативного явления; определение тенденций нормативно-правовой регламентации дефиниции понятия преступления; установление особенностей современной российской законодательной формулы определения понятия преступления. Показана взаимообусловленность

реализуемой российской уголовно-правовой политики и законодательной формулы понятия преступления на разных этапах формирования и развития отечественной государственности как происходящими политико-правовыми и социально-экономическими преобразованиями, так и достижениями в теоретико-правовой и уголовно-правовой доктрине на национальном и международном уровнях. *Выводы и заключения:* сформулированы выводы о факторах, инспирирующих законодательную регламентацию понятия преступления. Определены доктринальные основы законодательного оформления понятия и признаков преступления. Аргументированы положения относительно особенностей регламентации формальных и материальных признаков преступления как уголовно-правовой категории.

Ключевые слова: правовая политика, уголовно-правовая политика, уголовный закон, преступление, уголовный проступок

Для цитирования: Авдеев В. А., Авдеева О. А. Преступление как уголовно-правовая категория: соотношение доктринально-методологического и законотворческого подходов (ретроспективный анализ) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 2 (94). – С. 10–17; doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-10-17.

Vadim A. Avdeev

Dr. Sci. (Jurid.), Professor

<https://orcid.org/0000-0002-8614-6996>, vadim.avdeevich@mail.ru

Yugra State University

16, Chekhov str., Khanty-Mansiysk, 828012, Russian Federation

Olga A. Avdeeva

Dr. Sci. (Jurid.), Docent

<https://orcid.org/0000-0002-5771-4237>, Avdeeva_O_A@mail.ru

East Siberian Institute of the MIA of Russia

110, Lermontova st., Irkutsk, 664028, Russian Federation

Crime as a criminal-legal category: the ratio of doctrinal-methodological and legislative approaches (retrospective analysis)

Abstract: Currently the key direction of criminal policy is to ensure state, public and personal security. *The novelty* of the research consists in characterization of the concept of criminal offence and its constituent features at different historical stages, considering political, legal, socio-economic and socio-cultural factors. The authors pay special attention to the relationship of legal values, scientific doctrine and law enforcement activities in the development of the definition of crime. *The methodological basis* of the study is a set of general and special scientific methods that lead to a comprehensive approach to the study of criminal law policy in the field of legislative definition of a crime as a legal category and its constituent features. *As a result* of the research the authors explore the legal nature of the crime, its essential properties and characteristics as a negative social and legal phenomenon, and show the trends in the regulatory process. The article shows the interdependence of the criminal law policy implemented in Russia and the legislative formula of the concept of crime at different stages of the formation and development of the national statehood, both by the ongoing political, legal and socio-economic transformations, and by the achievements in the theoretical and legal and criminal law doctrine at the national level. *Conclusions.* The authors offer an explanation to the factors that inspire the legislative regulation of the concept of crime and determine the tendencies of the legislative formalization of the concept and signs of crime in the domestic and foreign science of criminal law. Finally, the authors suggest a perspective on the correlation of formal and material signs of a crime as a criminal legal category.

Keywords: legal policy, criminal law policy, criminal law, crime, criminal offense

For citation: Avdeev V. A., Avdeeva O. A. Crime as a criminal-legal category: the ratio of doctrinal-methodological and legislative approaches (retrospective analysis) // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 2 (94). – P. 10–17; doi: 10.35750/2071-8284-2022-2-10-17.

Введение

Прогрессивное поступательное развитие мирового сообщества и национальной государственности в контексте реализации принятой в 2015 г. Концепции устойчивого развития общества на период до 2030 г. актуализирует основные направления правовой политики, связанные с решением 17 целей и 169 задач, обеспечивающих формирование условий для «стабильной и фактической реализации общесоциальных и правовых благ». Вследствие этого Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 утверждению подлежала Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, исходя из содержания которой следует, что одной из угроз на современном этапе является неуклонный рост показателей отдельных видов преступности, посягающих на личную, общественную и государственную безопасность.

В этой связи стоит обратить внимание на данные официальной статистики МВД России, свидетельствующие о росте в 2019–2020 гг. абсолютных показателей зарегистрированной преступности на 1,63 % и 0,98 % соответственно. При этом сохраняется тенденция роста числа зарегистрированных преступлений (2018 г. – 1991532; 2019 г. – 2024337; 2020 г. – 2044221). В 2021 г., несмотря на снижение абсолютного показателя преступности на 1,9 % (2004404), одновременно наметился существенный рост причинённого преступлениями вреда. Нельзя не подчеркнуть степень и тяжесть негативных последствий совершённых преступлений физического, морального и материального характера. В 2021 году по сравнению с 2020 годом более чем в полтора раза возрос нанесённый преступлениями материальный ущерб. Так, если в 2020 г. материальный ущерб составил 512,83 млрд рублей, то в 2021 г. – 834,47 млрд рублей.

Реализация на внутригосударственном, межгосударственном и национальном уровнях Концепции устойчивого развития общества на период до 2030 г. и Стратегии национальной безопасности Российской Федерации 2021 г. требует поиска и внедрения качественно новых технологий в сфере правового воздействия, направленных на осознание общесоциальной и юридической ценности правового регулирования, обладающего совокупностью методов и средств для обеспечения охранительно-регулятивной, восстановительной, компенсационной, информационно-ориентационной, культурно-исторической и иных функций, содействующих гармонизации правотворческой, правореализационной, правоприменительной и правоинтерпретационной деятельности.

В процессе совершенствования юридической техники, направленной на прогнозирование и экстраполирование состояния преступности, выявление условий и причин возникновения новых видов угроз, детерминирующих новые виды преступности и создающих препятствия для эффективной реализации

механизма правового регулирования, существенную роль играет консолидация ресурсов, обеспечивающих правотворческую и правореализационную деятельность [1, с. 54–56]. Совершенствование законодательных основ правового регулирования уголовно-правовых средств противодействия новым угрозам и вызовам в условиях глобализации должно основываться на активизации таких принципов правотворческого процесса, как научность, законность, профессионализм и апробированность внедряемых институтов уголовного права с учётом имеющегося в национальной правовой системе правового опыта их реализации¹. Исходя из значимости позитивизируемого обществом социально-правового опыта, особого внимания заслуживает анализ доктринально-методологических и практико-реализационных основ формирования одной из основополагающих категорий в механизме уголовно-правового регулирования – понятия преступления.

Кроме того, повышенный интерес российской научной юридической общественности к изучению правового опыта регламентации понятия преступления обусловлен правовой политикой РФ по совершенствованию норм отраслевого законодательства в контексте наметившейся либерализации уголовного законодательства, повлекшей разработку законопроекта, представленного 13 октября 2020 г. в рамках Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка”». В качестве стратегической задачи обозначено принятие в целях гуманизации уголовного законодательства мер по снижению репрессивности уголовного закона, содействующих созданию и поддержанию благоприятного делового климата. Вследствие этого предлагается ввести в уголовный закон категорию «уголовный проступок» и распространить её действие на «преступления небольшой тяжести против собственности и отдельные преступления небольшой и средней тяжести в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, не связанные с применением насилия либо с угрозой его применения, а равно с противоправной деятельностью организованных групп либо с причинением особо крупного ущерба или иных тяжких последствий». Исходя из этого, предлагается ввести в УК РФ статью 151, регламентирующую понятие уголовного проступка как «преступления небольшой тяжести, совершённого лицом впервые, за которое Уголовным

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (рег. № 22-28-20133) и Правительства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

кодексом РФ не предусмотрено наказание в виде лишения свободы». Необходимо заметить, что высказанные в законопроекте предложения вызвали неоднозначную оценку. Учёные и практики, с одной стороны, отмечают позитивность предлагаемых мер по либерализации уголовного закона, с другой стороны, указывают, что наличие ряда проблемных вопросов отраслевого и межотраслевого характера требует дополнительного обоснования высказанных предложений как на доктринальном уровне, так и на уровне реализации уголовного закона [2; 6; 9].

Описание исследования и результаты

Приступая к исследованию правового опыта, стоит отметить, что преступление как уголовно-правовая категория претерпевает длительный процесс формирования и эволюции на доктринальном и законодательском уровнях. Анализ процесса законодательского оформления понятия преступления позволил обратиться к источникам права древнерусской государственности, когда до становления отечественной юридической науки на правотворческом уровне поэтапно по мере возникновения необходимости закрепляются уголовно-правовые институты и их дефиниции. Так, термин «преступление» впервые закреплён в Двинской уставной грамоте 1398 г. Однако законодательное оформление преступления как уголовно-правовой категории не сопровождалось дефиницией данного понятия. В основу был положен подход законодателя, используемый на первых этапах формирования древнерусского права, когда в Русской Правде Краткой, Пространной и Сокращенной редакций, представлявшей собой систематизацию отраслевых норм, в оборот был введён термин «обида», ведущим признаком которой признавалось причинение потерпевшему в лице главы государства, органов государственной власти, должностных лиц и подданных государства физического, материального или морального вреда. С принятием в 1497 г. Судебника, а затем Соборного уложения 1649 г. законодатель вместо обиды и преступления использует термин «лихое дело».

Переход государственности к просвещённому абсолютизму predetermined становление научных, в том числе юридических школ, активно изучающих зарубежный опыт регламентации уголовно-правовых институтов. В частности, Пётр I в Именном Указе от 24 декабря 1714 г., вновь вводя в оборот термин «преступление», закрепляет его дефиницию как «ослушание царской воли», влекущее «приключение» вреда и убытков государству, последствием которого является наказание. В Артикуле Воинском 1715 г. закреплению подлежали такие понятия как «преступление» и «преступитель», сущность которых заключается в нарушении закона. Уголовно наказывались преступители правил, установленных государством во избежание причинения убытков и вреда (арт. 104, 117, 202).

В развитие законодательного подхода к понятию преступления Екатерина II в Манифесте 1763 г. и «Наказах» подчёркивает значимость принципа законности в праве. Вследствие этого дефиниция понятия преступления стала содержать указание на такие признаки, как: 1) «ослушание царской воли»; 2) установление запрета на его совершение непосредственно в законе, вызывающем у подданных «боязнь»; 3) цель, преследующую «благо общества». Примечательно, что согласно Уставу благочиния или полицейскому от 8 апреля 1782 г. совершаемые в обществе противозаконные деяния – «запрещения» в уголовно-правовом аспекте стали обозначать «уголовными преступлениями» (ст. 191–232).

В эпоху Просвещения в процессе реализации правотворческого процесса активному изучению подлежало зарубежное законодательство. В результате совершенствование отечественного уголовного законодательства в XVIII–XIX вв. сопровождалось активным внедрением в национальную правовую систему зарубежной правовой мысли о преступлении. Исходя из положений французской Декларации прав и свобод человека и гражданина от 26 августа 1789 г., лишь закон может воспрещать вредные для общества деяния. Не воспрещённые законом действия являются дозволенными, что исключает принуждение к не предписываемому законом действию (ст. 5). На основании УК Франции 1810 г. преступлением предписывалось считать деяние, караемое мучительными или позорящими наказаниями (ст. 1). В УК Королевства Баварии 1813 г. понятие преступления ориентировало правоприменителя на антисоциальную направленность деяния, вследствие чего к преступлениям следовало относить умышленные нарушения закона, находящиеся под угрозой наказания из-за размера злонаправленности.

В процессе поэтапной эволюции российского законодательства, сопряжённой с внедрением правового опыта зарубежных стран, в первой половине XIX в. в книге первой тома XV Свода законов Российской империи 1832 г. – «О преступлениях и наказаниях вообще» к преступлению относили всякое деяние, запрещённое законом под страхом наказания. Между тем, в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (глава первая – «О существе преступлений и проступков и о степенях вины») законодатель к преступлению причисляет всякое нарушение закона, посягающее на неприкосновенность прав власти верховной и установленных ею властей или же на права или безопасность общества или частных лиц (ст. 1). Под проступком же понималось нарушение правил, предписанных для охранения определённых законами прав и общественной или личной безопасности или пользы (ст. 2). За преступления и проступки виновные по мере важности оных подлежали наказаниям уголовным или исправительным (ст. 3). Законодатель ориентирует в ст. 4 правоприменителя на соблюдение таких

признаков преступления, как противозаконность и наказуемость, дополняя их в ст. 5 признаком виновности лица, совершившего деяние с умыслом или без такового.

В начале XX в. под воздействием политико-правовых и социально-экономических преобразований принимается Уголовное уложение 1903 г., определяющее в ст. 1 «преступное деяние» как деяние, воспрещённое во время его учинения законом под страхом наказания. Признание совершенного деяния преступным предусматривало назначение восьми видов наказания, к числу которых относили денежную пеню; арест; заключение в исправительном доме, тюрьме или крепости; ссылку на поселение и каторгу; смертную казнь. С учётом разграничения преступных деяний на три категории регламентации подлежали: 1) «тяжкие преступления», за которые предусматривалось назначение смертной казни, каторги или ссылки на поселение; 2) «преступления», к которым стали относить преступные деяния, совершение которых влекло назначение наказания в виде заключения в исправительном доме, крепости или тюрьме; 3) «проступки», представляющие собой преступные деяния, наказываемые арестом или денежной пеней. Таким образом, определение понятия преступления в российском законодательстве XIX – начала XX в. содержало два образующих его признака – формальный и материальный. Формальный признак заключался в противоправности деяния, материальный признак – в общественной его опасности.

Развитие уголовно-правовой доктрины в области регламентации преступления как уголовно-правовой категории связано с трудами известного итальянского учёного Ч. Беккариа (1738–1894), который под истинным мерилom преступления понимал «принесённый» им вред [3, с. 226]. Французский учёный Жозеф Л.-Э. Ортолан (1802–1873) считал, что преступлением следует считать деяние, являющееся любым нарушением уголовного закона [10]. Немецкий юрист Рудольф фон Иеринг (1818–1892) рассматривал преступление как утверждённое законодательством вредоносное посягательство на жизненные условия общества. С начала XIX в. активное осмысление понятия преступления происходит и в отечественной юридической науке. Например, В. Д. Спасович рассматривает преступление как деяние, запрещённое уголовным законом, при этом подчёркивая достаточность формального определения понятия преступления для юриста-практика, гражданина и недостаточность – для науки [13, с. 19, 83–84]. А. Ф. Кистяковский предлагал считать преступлением нарушение закона, установленного для ограждения благосостояния и безопасности граждан. Примечательно, что Н. С. Таганцев в развитие предложенных в отечественной уголовно-правовой науке дефиниций ориентировал законодателя на юридические свойства и признаки и рассматривал преступление как

нарушение заповедей или норм права, велений авторитетной воли, регулирующей юридические отношения в целях свободной деятельности каждого [14]. Г. И. Солнцев, акцентируя внимание на справедливости уголовного закона, писал, что преступлением является воспрещаемое положительными законами деяние, нарушающее безопасность государства и частных граждан и влекущее для преступника правомерное наказание. Н. Д. Сергиевский считал, что под преступлением стоит понимать действие человека, нарушающее нормы правового порядка. При этом преступным является то деяние, которое причиняет или заключает опасность причинения вреда обществу и частным лицам [12, с. 257]. С. Будзинский писал, что существенным признаком преступления следует считать его содержание, которое представляет деяние, имеющее форму как действия, так и бездействия [4, с. 55]. Синтезируя предложенные в XIX в. отечественными учёными дефиниции преступления как уголовно-правовой категории, можно сделать следующие выводы. Преступление представляет собой деяние, выраженное в форме действия или бездействия, направленное на нарушение права, установленного в форме закона, влекущее наказание, ограничивающее «непременную свободу воли лица», его совершившего.

Новый этап законотворческой деятельности в области регламентации понятия преступления как уголовно-правовой категории наметился в период советского государственного правового строительства. Примечательно, что содержание ст. 5 Руководящих начал по уголовному праву РСФСР от 12 декабря 1919 г., определяющее преступление как нарушение охраняемого уголовным правом порядка общественных отношений, подлежало дополнению содержанием ст. 6, в соответствии с которым к преступлению предписывалось относить как действие, так и бездействие, опасное для данной системы общественных отношений. При этом в дефиниции понятия преступления, содержащемся в данных статьях, отсутствовало указание на признак виновности, который, в свою очередь, получил закрепление в ст. 12, согласно которой вина в форме небрежности, легкомыслия и заранее обдуманного намерения выступала обстоятельством, влияющим на меру наказания.

В Уголовном кодексе РСФСР, принятом ВЦИК 24 мая 1922 г. и введённом в действие с 1 июня 1922 г., наряду со структурным разграничением двух – Общей и Особой – частей качественно новый подход наметился в регламентации понятия преступления, под которым стали понимать всякое общественно опасное действие или бездействие, угрожающее основам советского строя и правопорядку (ст. 6). Общественная опасность заключалась в совершении вредных для общества или «серьёзно угрожающих» общественному правопорядку действий (ст. 7). Регламентируя две формы вины – умысел и неосторожность, законодатель устанавливает

назначение наказания исключительно за виновно совершённые действия (ст. 11).

Постановлением ВЦИК от 22 ноября 1926 г. введению в действие с 1 января 1927 г. подлежал Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 г., в котором в качестве задачи констатировалась охрана государства и правопорядка от общественно опасных действий (преступлений) путём применения к совершившим лицам мер социальной защиты (ст. 1). Общественно опасным считалось действие (бездействие) против советского строя или нарушающее правопорядок (ст. 6). Не являлось преступлением подпадающее под действие определённой статьи действие, лишённое общественной опасности, в силу отсутствия вредных последствий и малозначительности (примечание к ст. 6).

Анализируя нормы уголовного законодательства РСФСР, М. Д. Шаргородский писал, что в основу понятия преступления был положен материальный признак [16, с. 42-43]. Н. Д. Дурманов, поддерживая данную точку зрения, считал, что материальная формула понятия преступления была отражена как в законодательстве, так и находила претворение в судебной практике [8, с. 248–249]. Действительно, материальный признак, связанный с общественной опасностью действия или бездействия, угрожающего охраняемой системе общественных отношений, признавался одним из основополагающих в механизме уголовно-правового регулирования. Следует также отметить выделение в понятии преступления формального признака, заключающегося в противоправности деяния, направленного на нарушение регулируемого государством порядка общественных отношений и формализованного в уголовном законе запрета.

Качественно новый этап в регламентации понятия преступления связан с принятием Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, утверждённых Законом Верховного Совета СССР от 25 декабря 1958 г. В результате новеллизации уголовно-правовых норм, регламентируемых в I–IV разделах, под преступлением стали понимать предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние (действие или бездействие), посягающее на общественный и государственный строй, собственность, личность, правопорядок. Не являлось преступлением действие или бездействие, содержащее признаки предусмотренного уголовным законом деяния, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности (ст. 7).

На основании Закона Верховного Совета РСФСР от 27 октября 1960 г. в действие с 1 января 1961 г. был введён УК РСФСР, в котором в ст. 7 преступлением признавалось предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние (действие или бездействие), посягающее на общественный строй, его экономическую и политическую системы, собственность, личность, правопорядок. Согласно ст. 3 УК РСФСР уго-

ловной ответственности подлежало только виновное в совершении преступления лицо.

Стоит заметить, что совершенствование советского уголовного законодательства в регламентации понятия преступления сопровождалось активной дискуссией по данному вопросу среди учёных и практиков, в ходе которой подчёркивалась целесообразность включения в само определение понятия преступления таких признаков деяния, как виновность, наказуемость и аморальность [5, 7]. В противовес данной позиции С. А. Домахин писал, что для признания виновности самостоятельным признаком преступления отсутствуют основания, так как уголовная противоправность деяния содержит данный признак и уголовный закон относит к преступным лишь виновные деяния. Б. С. Утевский считал, что дискуссионной выглядит позиция относительно наказуемости как признака преступления в силу того, что наказание есть следствие совершения преступления [15, с. 42]. А. А. Пионтковский утверждал, что излишним является указание в определении понятия преступления признака аморальности ввиду того, что противоправность деяния свидетельствует о противоречии деяния нормам нравственности и не требует дублирования в указанной формуле [11, с. 33–34]. В частности, аморальность, вступая в противоречие с одной из основных форм общественного сознания, свидетельствует о безнравственном поведении человека. Нарушение принципов и общепринятых норм поведения имеет место при совершении любого правонарушения (дисциплинарного проступка, гражданско-правового деликта, административного правонарушения). Вследствие этого аморальность поведения лица не является характерным признаком преступления, требующим закрепления в уголовном законе.

Модернизация политико-правовой и социально-экономической систем, наметившаяся на рубеже 80–90-х гг. XX в., сопровождалась принятием Постановлением Верховного Совета СССР от 2 июля 1991 г. Основ уголовного законодательства Союза ССР и республик и введением их в действие с 1 июля 1992 г. за исключением регламентирующей основания применения смертной казни статьи 40, наделяемой юридической силой с момента опубликования акта. Анализ Основ уголовного законодательства Союза ССР и республик 1991 г. свидетельствует, что законодатель, руководствуясь нормами международного права, использует новый подход к определению преступления, рассматриваемого как виновно совершённое общественно опасное деяние (действие или бездействие), запрещённое уголовным законом под угрозой наказания (ст. 8). Исходя из определения, следует, что виновность, общественная опасность, противоправность и наказуемость являются обязательными признаками, необходимыми для отграничения преступления от иных видов противоправных посягательств. К малозначительным деяниям следовало от-

носить деяние, которое формально содержало признаки преступления, но не являлось общественно опасным.

Дальнейшая новеллизация уголовного законодательства предопределила регламентацию в Уголовном кодексе РФ законодательной формулы, признающей преступлением виновно совершённое общественно опасное деяние, запрещённое настоящим Кодексом под угрозой наказания (ч. 1 ст. 14 УК РФ). Анализируя данное определение с учётом выявленного правового опыта, можно заключить, что современный подход законодателя к дефиниции понятия преступления разработан в соответствии с такими принципами законотворческого процесса, как научность и профессионализм, отвечает правилам юридической техники и характеризуется закреплением в данной дефиниции разработанных в процессе развития национального механизма уголовно-правового регулирования на доктринальном и правотворческом уровнях ключевых признаков и свойств данного социально-негативного явления.

В понятии преступления отражены такие значимые свойства и признаки, как антисоциальная направленность поведения лица, его совершившего, влекущая причинение морального, физического и материального вреда участникам общественных отношений и охраняемому уголовным законом правовому порядку и характеристика поведенческого акта, существенные свойства которого позволяют отграничить преступление от иных видов правонарушений. Главенствующая роль в определении существенных свойств преступления отводится степени и характеру общественной опасности, противоправности, виновности и наказуемости деяния. Современный подход законодателя к дефиниции понятия преступления отличается комплексностью и сопровождается детальной регламентацией понятия вины, соучастия в преступлении, неоконченного преступления, видов множественности и категорий преступления, лиц, подлежащих уголовной ответственности, а также обстоятельств, исключающих преступность деяния.

Заключение

Резюмируя сложившиеся в процессе эволюции национальной правовой системы законодательные подходы к понятию преступления и предлагаемые дефиниции в контексте современной модернизации уголовного законодательства, следует отметить, что действующая формула регламентации понятия преступления, закреплённая в ст. 14 УК РФ, основывается на имеющихся достижениях теоретико-правовой и уголовно-правовой доктрины, отражающих правовые постулаты, учитывающие взаимосвязь правовых и социальных идеалов и ценностей на внутригосударственном и международном уровнях, правовом опыте российской

законодательной техники и правоприменительной деятельности.

Существенным признаком, отличающим преступление от иных видов и форм противоправной деятельности человека, является его общественная опасность, которая складывается из двух составляющих – наступления негативных последствий, связанных с совершением данного деяния (действия или бездействия), и оценки законодателем их характера и степени для действующей и охраняемой уголовным законом системы общественных отношений.

Признак виновности в соответствии со ст. 5 УК РФ ориентирует правоприменителя на привлечение к уголовной ответственности за виновно совершённые общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия. Преступление понимается как деяние, характеризующееся сознательно-волевым поведением человека, имеющим активное или пассивное в реальности проявление, в результате которого наносится вред либо имеет место угроза причинения вреда общественным отношениям, охраняемым уголовным законом. Преступность деяния в свою очередь служит основанием для наказуемости деяния. Юридические границы уголовной противоправности, виновности и наказуемости деяния предопределяются уголовно-правовой политикой государства, направленной на охрану интересов государства, общества и личности, обеспечение правового порядка, социальных и общеправовых ценностей.

Необходимо подчеркнуть, что формирование вышеуказанных признаков и свойств преступления как негативного социального явления в системе правонарушений претерпело значительную модификацию с учётом развития государственности, потребностей государства и общества, определяющих правотворческий процесс, а также становления и развития юридической науки, позволяющей на доктринально-методологическом уровне обосновать отличие преступлений от иных негативных явлений, носящих правонарушающий характер, влекущих последствия, связанные с нарушением установленного государством правопорядка, изменением либо деструкцией позитивуемых общественных отношений.

На основании изложенного представляется, что вышеуказанные особенности правовой регламентации понятия преступления, содержащего полный перечень присущих ему отличительных от иных видов правонарушений признаков и свойств, заведомо исключают необходимость внесения каких-либо изменений, в том числе введения дополнительной категории «уголовный проступок» во избежание возникновения коллизий и противоречий на законодательном уровне и в сфере реализации норм уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права.

Список литературы

1. Авдеева О. А., Авдеев В. А. Теоретико-методологические основы правовой оценки негативных последствий как основания реализации юридической ответственности // Юридический мир. – 2019. – № 7. – С. 54–58.
2. Баумштейн А. Б., Понятовская Т. Г. Уголовный проступок: есть ли необходимость введения? // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2019. – № 9 (6). – С. 68–74.
3. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. – Москва: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1939. – 464 с.
4. Будзинский С. Начала уголовного права. – Варшава: Тип. И. Яворского, 1870. – 362 с.
5. Вавилов К. К. О наказуемости как признаке понятия преступления // Правоведение. – 1964. – № 1. – С. 164–165.
6. Васильева Д. Д. Некоторые вопросы реализации уголовного проступка в современном законодательстве // Вестник современных исследований. – 2021. – № 5–4 (43). – С. 8–10.
7. Герцензон А. А. Понятие преступления в советском уголовном праве. – Москва: Госюриздат, 1955. – 55 с.
8. Дурманов Н. Д. Понятие преступления / Акад. наук СССР. Ин-т права. – Москва; Ленинград: 2-я типография Издательства Академии наук СССР, 1948 (Москва). – 311 с.
9. Кибальник А. Г. Уголовный проступок и его правовые последствия // Уголовное право. – 2017. – № 4. – С. 65–68.
10. Ortolan J. L. E. Cours de legislation penale comparee. Introduction. – Т. I. – Paris: Joubert, 1839. – 235 p.
11. Пионтковский А. А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. – Москва: Госюриздат, 1961. – 666 с.
12. Сергиевский Н. Д. Русское уголовное право. Пособие к лекциям: Часть общая. – 7-е изд. – Санкт-Петербург: Типография М. М. Стасюлевича, 1908. – 385 с.
13. Спасович В. Учебник Уголовного права. – Т. I. – Выпуск первый. – Санкт-Петербург: В типографии Иосифата Огризко, 1863. – 178 с.
14. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. – Часть Общая. – Т. I. – Тула: Автограф, 2001. – 800 с.
15. Утевский Б. С. Некоторые вопросы дальнейшего развития теории уголовного права // Советское государство и право. – 1963. – № 6. – С. 42–44.
16. Шаргородский М. Д. Предмет и система уголовного права // Советское государство и право. – 1941. – № 4. – С. 42–43.

References

1. Avdeyeva O. A., Avdeyev V. A. Teoretiko-metodologicheskiye osnovy pravovoy otsenki negativnykh posledstviy kak osnovaniya realizatsii yuridicheskoy otvetstvennosti // Yuridicheskiy mir. – 2019. – № 7. – S. 54–58.
2. Baumshcheyn A. B., Ponyatovskaya T. G. Ugolovnyy prostupok: yes' li neobkhdimost' vvedeniya? // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo. – 2019. – № 9 (6). – S. 68–74.
3. Bekkaria Ch. O prestupleniyakh i nakazaniyakh. – Moskva: Yuridicheskoye izdvtel'stvo NKYu SSSR, 1939. – 464 s.
4. Budzinskiy S. Nachala ugolovnogo prava. – Varshava: Tip. I. Yavorskogo, 1870. – 362 s.
5. Vavilov K. K. O nakazuyemosti kak priznake ponyatiya prestupleniya // Pravovedeniye. – 1964. – № 1. – S. 164–165.
6. Vasil'yeva D. D. Nekotoryye voprosy realizatsii ugolovnogo prostupka v sovremennom zakonodatel'stve // Vestnik sovremennykh issledovaniy. – 2021. – № 5–4 (43). – S. 8–10.
7. Gertsenzon A. A. Ponyatiye prestupleniya v sovetskom ugolovnom prave. – M.: Gosyurizdat, 1955. – 55 s.
8. Durmanov N. D. Ponyatiye prestupleniya / Akad. nauk SSSR. In-t prava. – Moskva; Leningrad: 2-ya tipografiya Izdatelstva Akademii nauk SSSR, 1948 (Moskva). – 311 s.
9. Kibal'nik A. G. Ugolovnyy prostupok i yego pravovyye posledstviya // Ugolovnoye pravo. – 2017. – № 4. – S. 65–68.
10. Ortolan J. L. E. Cours de legislation penale comparee. Introduction. – Т. I. – Paris: Joubert, 1839. – 235 p.
11. Piontkovskiy A. A. Ucheniye o prestuplenii po sovetskomu ugolovnomu pravu. – Moskva: Gosyurizdat, 1961. – 666 s.
12. Sergiyevskiy N. D. Russkoye ugolovnoye pravo. Posobiye k lektsiyam: Chast' obshchaya. – 7-ye izd. – Sankt-Peterburg: Tipografiya M. M. Stasyulevicha, 1908. – 385 s.
13. Spasovich V. Uchebnik Ugolovnogo prava. – Т. I. – Vypusk pervyy. – Sankt-Peterburg: V tipografii Iosofata Ogrizko, 1863. – 178 s.
14. Tagantsev N. S. Russkoye ugolovnoye pravo. – Chast' Obshchaya. – Т. I. – Tula: Avtograf, 2001. – 800 s.
15. Utevskiy B. S. Nekotoryye voprosy dal'neyshego razvitiya teorii ugolovnogo prava // Sovetskoye gosudarstvo i pravo. – 1963. – № 6. – S. 42–44.
16. Shargorodskiy M. D. Predmet i sistema ugolovnogo prava // Sovetskoye gosudarstvo i pravo. – 1941. – № 4. – S. 42–43.

Статья поступила в редакцию 16.03.2022; одобрена после рецензирования 04.04.2022; принята к публикации 06.04.2022.

The article was submitted March 16, 2022; approved after reviewing April 04, 2022; accepted for publication April 06, 2022.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution to the writing of the article.